

13. Лус Я. Я. Овцы нагорного Дагестана // Сельское хозяйство Дагестана. АН СССР. 1940. С. 157—193.
14. Лус Я. Я. Некоторые закономерности размножения популяций *Adalia bipunctata* L. Гетерозиготность популяций по деталям // Докл. АН СССР. 1947. Т. 57, № 8. С. 825—828.
15. Лус Я. Я. Некоторые закономерности размножения популяций *Adalia bipunctata* L. Бессамцовые линии в популяциях *Adalia* // Докл. АН СССР. 1947. Т. 57, № 9. С. 951—954.
16. Лус Я. Я. О биологическом полиморфизме окраски у двуточечной коровки *Adalia bipunctata* // Latvijas entomologs. 1961. № 4. С. 3—29.
17. Лусис Я. Я. Экспериментальные данные о таксономическом статусе трех форм рода *Calvia* (Coleoptera, Coccinellidae) // Latvijas Entomol. 1971. Т. 14. С. 69—80.
18. Лусис Я. Я. Таксономические отношения и географическое распространение форм жуков рода *Adalia* Mulsant // Уч. зап. ЛГУ им. П. Стучки. Т. 184. Проблемы генетики и эволюции. 1973. Вып. 1. С. 5—127.
19. Лус Я. Я., Колесник Н. Н. Крупный рогатый скот кочевого населения Семипалатинской губернии // Домашние животные Семипалатинской губернии. Материалы компл. экспед. исследований АН СССР. Сер. казахстанская. 1928. Вып. 8. С. 3—119.
20. Лус Я. Я., Медведев Н. Н. Домашние животные Семипалатинской губернии // Материалы компл. экспед. исследований АН СССР. Сер. казахстанская. 1928. Вып. 8. С. 176—265.
21. Лус Я. Я., Ленин Т. К., Сапегин А. А., Костов Д., Меллер Г. Г. Важнейшие результаты работы Института генетики АН СССР // Изв. АН СССР. 1937. С. 1469—1492.
22. Райнулус Е., Лусис Я. Я. Жизнь и научная деятельность. Рига, Зинатне. 1985. 236 с.

РАЗГРОМ ГЕНЕТИКИ В ЛЕНИНГРАДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г.)

К. В. БАТТИ

В конце Великой Отечественной войны, унесшей жизни многих молодых талантливых генетиков, Ленинградский университет возвратился из эвакуации (из Саратова) в родной город.

В 1944 г. кафедрой животной генетики животных с лабораторией эмбриологии заведовал эмбриолог П. Г. Светлов. В 1945 г. вернулся из армии М. Е. Лобашев и в 1946 г. возглавил лабораторию, которую именовали тогда кабинетом генетики животных, а заведующим кафедрой генетики растений был П. В. Турбин (с 1945 г.).

Как писал М. Е. Лобашев, «вернувшись с фронта, еще в шинели и в кирзовых сапогах, нам пришлось восстанавливать само здание кафедры для того, чтобы начать работать». Речь идет о двухэтажном здании во дворе (позднее надстроенном, где и сейчас находится кафедра генетики и селекции). В 1945 г. в этом небольшом двухэтажном здании лаборатории генетики животных принадлежал второй этаж и две комнаты первого этажа.

За короткий срок небольшой коллектив: зав. кабинетом М. Е. Лобашев, проф. И. И. Соколов, мл. н. с. В. Б. Солодовников, лаборанты А. Кореневич (Чубарова), П. Г. Иванова, служительница (а с 1946 г. студентка) Е. П. Карманова* проделали черныи нелегкий труд по приведению в порядок помещений. К осени 1946 г., когда в лабораторию пришли первые студенты, помещение сияло чистотой.

Студентов было немного: И. М. Януш, К. В. Ватти, Е. А. Герасимова (Мамзина), Е. П. Карманова, И. А. Никитина (2-й курс), а с 1947 г. — В. Б. Савватеев и А. С. Мамзин.

Для всех — сотрудников и студентов — лаборатория стала даже

* Карманова Е. П. — ныне профессор, заслуженный деятель науки Карелии.
© К. В. Ватти, 1994

не вторым, а первым домом. И хозяином этого дома, руководителем, Учителем и другом, центром кристаллизации всей жизни был М. Е. Лобашев. Студенты еще были «малы» для спецкурсов, и потому генетическое образование складывалось из научных (которые одновременно были и учебными) семинаров, коллективных и «тет-а-тет» бесед экспромтом, обучения генетическим методам и экспериментальной работы.

К тому времени М. Е. Лобашев выдвинул физиологическую (паранекротическую) гипотезу мутационного процесса. С 1946 по 1948 г. (до августа), все, от студентов до руководителя лаборатории, работали над проверкой этой гипотезы. Это был химический и радиационный мутагенез, исследование субстанциональных изменений в клетках беспозвоночных животных (дрозофила, дафния) методом витального окрашивания. Физиологическая (паранекротическая) гипотеза послужила основой докторской диссертации М. Е. Лобашева, успешно защищенной им на заседании ученого совета биологического факультета ЛГУ 12 декабря 1946 г.

Летом в лаборатории Петергофского биологического института продолжалась экспериментальная работа, в частности и на дубовом шелкопряде. Так, на этом объекте студентам К. В. Ватти и Е. А. Герасимовой было поручено изучение изменчивости функционирующих (т. е. подвергающихся действию естественного отбора) и нефункционирующих (естественному отбору не подвергающихся) органов; у шелкопряда это ротовой аппарат гусениц и бабочек. Такой материал был получен, но после августа 1948 г. (не авторами!) уничтожен.

В памяти студентов тех лет остались и незабываемые биологические экскурсии по парку под руководством И. И. Соколова, который своими блестящими знаниями флоры и фауны вгонял в краску стыда второкурсников, только что сдавших экзамены по ботанике и зоологии. Проф. И. И. Соколов был истинный петербургский интеллигент, человек очень деликатный, в высшей степени эрудированный. Он был крупный «классический» цитолог.

В первые послевоенные годы на факультете сложилось противостояние тех, кто развивал и поддерживал классическую генетику (проректор ЛГУ Ю. И. Полянский, избранный в январе 1948 г. деканом факультета М. Е. Лобашев, секретарь партбюро зоолог Г. А. Новиков, физиолог Э. Ш. Айрапетянц, биохимик М. И. Прохорова, ихтиолог Н. Г. Гербильский и др.), с одной стороны, и приверженцев так называемой мичуринской генетики (зав. кафедрой дарвинизма И. И. Презент, зав. кафедрой генетики растений Н. В. Турбин и др.) — с другой. Особенно активную и зловещую роль играл И. И. Презент, для которого «на войне» были все средства хороши.

Здесь следует сказать, что автор настоящей статьи имела возможность работать в 1990—1991 гг. в архиве Ленинградского обкома КПСС, откуда почерпнула многие сведения об описываемых событиях. При цитировании выдержек из протоколов различных собраний и заседаний даны ссылки на соответствующее дело архива.

И. И. Презент во главу указанного противостояния поставил не научный, а идеологический принцип. Читаемый им курс дарвинизма студенты воспринимали с трудом, называли его курсом «антидарвинизма». Курс был идеологизирован, перенасыщен философией, критикой учения Дарвина, в нем игнорировались такие имена, как И. И. Шмальгаузен, В. Н. Сукачев. Студенты не шли для специализации на кафедру дарвинизма. К началу 1947/48 учебного года на ней был лишь один дипломник (В. Нырков) и одна студентка третьего курса (Л. Закман).

На факультете в начале 1948 г. планировался конкурс на заме-

шение должностей заведующих десяти кафедр, в том числе кафедр генетики растений и дарвинизма. Бурные протесты И. И. Презента в парткоме, райкоме, Министерстве высшего образования не сыграли роли.

Проректор Ю. И. Полянский согласовал вопрос о конкурсе в Министерстве высшего образования. Декан М. Е. Лобашев и секретарь партбюро Г. А. Новиков по этому поводу обратились с письмом в Отдел науки ЦК КПСС к Ю. А. Жданову и получили его поддержку. Содействие было обещано и от инструктора Отдела науки ЦК КПСС Васильевой. На факультете была создана комиссия по проверке работы кафедры дарвинизма и результаты ее работы обсуждались 3 марта и 24 мая 1948 г. на заседании партбюро и партактива факультета. О принципах и формах обсуждения дает представление цитата из выступления представителя райкома КПСС Окатова: «Раз его (Презента. — К. В.) идеологические позиции правильные, любые методы хороши» [3, л. 53]. В университете было принято решение провести конкурс по кафедре дарвинизма на общих основаниях, а кандидатуру Презента не поддерживать по причине самозолотания работы кафедры, недостатков в преподавании, недопустимо резких выпадов против научных противников вплоть до «заушательской» критики (антисоветские ученые, лженаука и т. д.). Всякую критику в свой адрес Презент объявлял «походом против перелового учения Мичурина — Лысенко» [3, с. 58]. Это был май 1948 г. Июньский конкурс 1948 г. по биологическому факультету был ректором Н. А. Домнинным отменен [2]. Вскоре наступила пора летних отпусков и каникул, а в августе «разразилась» сессия ВАСХНИЛ, результатом которой был разгром генетики в ЛГУ, усугубившийся личной неприязнью И. И. Презента к сторонникам классической генетики.

Были сняты со своих постов проректор Ю. И. Полянский, декан М. Е. Лобашев. Уволены из университета приказом министра С. В. Кафанова генетики Ю. И. Полянский, М. Е. Лобашев, а также те, кто активно поддерживал генетику: зоолог Г. А. Новиков, физиолог Э. Ш. Айрапетьянц, эмбриолог П. С. Светлов. Многие получили взыскания по административной линии: И. Х. Блюменталь, Н. Л. Гербицкий, М. Ф. Иванов, Д. И. Насонов, М. И. Прохорова, С. В. Солдатенков, И. И. Соколов и др.

Обе кафедры генетики (животных и растений) были объединены в одну кафедру генетики и селекции, а ее заведующим был назначен И. В. Турбин, он же стал деканом факультета. К тому времени партбюро факультета постановлением парткома ЛГУ 28 августа 1948 г. было распущено и выбрано новое во главе с секретарем М. И. Рафиковым и зам. секретаря Н. Н. Хавкиной, куда вошли исключительно «мичуристы» и иные с ними.

А в сентябре 1948 г. состоялись разбирательства (а по сути судилища) дел «виновных» в развитии генетики на заседаниях партбюро и партсобраниях факультета, парткома, которые проходили в течение нескольких дней. Это был шабаш. Ведь не зря сказал И. И. Презент на собрании партактива ЛГУ 18—20 октября 1948 г., что «борьба идет не на жизнь, а на смерть» [1, л. 21].

Тяжело читать протоколы тех дней. Естественно, что тремя главными обвиняемыми были Ю. И. Полянский (как проректор и лидер «искистов-морганистов в Ленинграде»), Г. А. Новиков (как секретарь партбюро) и М. Е. Лобашев (как декан и зав. кабинетом генетики животных). Остальные были «приквашенные к ним».

«Обвиняемые» держались мужественно и благородно, не пытались перетолкнуть свои «грехи» на чужие плечи. Помня то жестокое время, можно понять и некоторые политические уступки, сделанные «подсу-

димыми». Есть разные компромиссы. Ю. И. Полянский не согласился с тем, что он — лидервейсманизма-морганизма в Ленинграде, хотя не отрицал своего возможного влияния на Лобашева и Айрапетьянца, но признал, что, выступая против некоторых положений Лысенко (внутривидовая борьба, наследование приобретенных изменений), допустил партийную близорукость, рассматривая эту борьбу лишь как академический спор, не заметил ее классового содержания [4].

М. Е. Лобашев не хочет уходить от ответственности. По его словам, на факультете были два понятия о мичуринцах: злые (Презент) и мирные (Гурбин). Михаил Ефимович считал, что с Презентом из-за его характера работать невозможно. В своей докторской диссертации он протестовал против формализма в генетике в рамках самой формальной генетики, желая взорвать ее изнутри. «Совесть не позволяет мне признать ошибочными положения, в которые я верил» [4, л. 20].

Г. А. Новиков признал, что как секретарь партбюро совершил серьезные политические ошибки, поскольку был в плену лживой теории [3, л. 107]. Мужественно выступил проф. С. В. Солдатенков, сказавший, что на собрании сгущают краски, на факультете не было ярой мичуринской пропаганды [3].

Студент П. К. Смирнов заявил, что нельзя сказать, будто преподаватели им неправильно читали лекции. Смело выступили также О. В. Петров, Ф. О. Додзина и некоторые другие.

А теперь судьи.

Проф. Д. И. Дейнека: «Сессия ВАСХНИЛ — это то, что мы ждали давно. Корни неправильных течений... в ренегатах науки, которые работают вместе с нами. Надо избавляться от этой тревоги» [3, л. 101]. Виноградов: «Они шли против народа и коммунизма» [3, л. 103]. Н. Н. Хавкина: «... была подпольная группа, которая проводила заушательскую политику против мичуринцев» [3, л. 111]. В. С. Воробьева: «Эта подпольная группа вела подрывную работу... методом подлого запугивания» [3, л. 115]. Г. С. Марков: «Полянский, Лобашев, Новиков, Солдатенков, Гербильский, Иванов — люди, зараженные позором, которые тепишем перед буржуазной наукой» [3, л. 133]. М. Н. Рафинский: «Группа людей на факультете опозорила святое имя Ленинского университета» [3, л. 146]. В. К. Васильева: «Гербильский — меньшевик» [3, л. 32].

После заседания, когда мичуринцев университета И. И. Презент. Присутствующие пытались из его выступления: «Эта группа сбита с толку». Ю. Жданова. Они окружили его как пиявки и партийные агенты, они его высосали» [3, л. 160]. И «шедевр» кощунства: «Эти люди, участвуя в войне, не поняли суть дела. А раз так, что они никому не нужны коммунисты. Они участвовали в этой войне только эмпирически, не доводя до своего сознания смысл Отечественной войны с фашизмом» [3, л. 152]. Это он сказал о людях, ушедших добровольцами на фронт в первые же дни войны, человек, сам пороха не нюхавший, севший в тылу.

На партийных собраниях факультета 22.09.48 и 25.09.48 трое были исключены из партии: Ю. И. Полянский (за — 45, против — 3, воздержался — 1), М. Е. Лобашев (за — 32, против — 13, воздержался — 1), Н. Н. Хавкина (за — 31, против — 12, воздержался — 1). Решения голосования свидетельствуют, что против исключения из партии открыто подняли руки.

Первым членом партии Н. Н. Блюменталь, Н. Л. Гербильскому, М. И. Прохоровой — были объявлены строгие выговоры [4, л. 14—48].

В то время тогда А. А. Андреев (секретарь), Н. А.

Домнин, А. Казаков, С. В. Колесник, Кукушкин, В. В. Мавродин, Г. С. Марков, Овсянкин, Ф. Я. Первеев, Н. А. Чечина, Шкурко.

Мужественное и принципиальное поведение секретаря А. А. Андреева, а также Колесника, Первеева, Домнина, Овсянкина, Кукушкина позволило смягчить наказания, вынесенные факультетской парторганизацией. Решено было исключить из партии только Ю. И. Полянского, М. Е. Лобашеву и Г. А. Новикову были вынесены строгие выговоры с предупреждением. Остальным также были смягчены наказания [2]. Василеостровский райком КПСС не утвердил решения парткома об исключении Ю. И. Полянского, а ограничился выговором.

Итак, послевоенный короткий период возрождения генетики в университете завершился трагически. Началось смутное время господства лысенковщины. И. И. Презент хвастался, что в письме в ЦК просил на развитие кафедры дарвинизма 500 тыс. руб., а в пришедшем за подписью Сталина письме был выдан 1 млн [3].

При единой теперь кафедре генетики в селекции были созданы три лаборатории: генетики растений (зав. В. С. Федоров, ст. н. с. С. И. Нарбут, Я. С. Айзенштат, мл. н. с. Е. Н. Богданова), генетики животных (зав. лаб. М. М. Лебедев, ст. н. с. А. Д. Курбатов, мл. н. с. И. Г. Иванова) и цитологии (зав. лаб. проф. П. В. Макаров, ст. н. с. Т. Ф. Полякова и Карюкаев, мл. н. с. Л. А. Кореневич). В штате кафедры были зав. Н. В. Турбин, профессора П. В. Макаров и Соболев, доценты В. С. Федоров и Ф. Ф. Сидоров, ассистенты Н. А. Шеломова и Т. С. Фадеева и четыре лаборанта. Эти сведения приведены из отчета Н. В. Турбина, сделанного на партбюро 29.12.48 [4]. Число работающих впоследствии резко возросло.

27 сентября 1948 г. было проведено расширенное заседание ученого совета ЛГУ (присутствовало 500 чел.), где обсуждалось положение дел в университете в связи с сессией ВАСХНИЛ. На заседании выступили акад. Л. С. Берг (географический ф-т), чл.-кор. АН Д. Н. Насонов (биологический ф-т), проф. М. В. Серебряков (философский ф-т) и др., признавшие идеологические недостатки в работе своих факультетов [2].

Было вынесено постановление о пересмотре программ учебных курсов, лекций, учебных планов и планов научно-исследовательских работ. Заседания парткома в составе Г. С. Маркова, Н. В. Турбина, Л. А. Окрокверцовой, М. И. Рафикова приняла решение отстранить от работы в университете «как неспособных осуществлять воспитание студентов в духе советского патриотизма» проф. П. В. Терентьева, ст. н. с. В. Б. Солодовникова, асс. А. П. Соколовскую, что было оформлено приказом ректора № 1864 от 18.09.48 [2].

Ряду других сотрудников, «заявивших неправильную позицию в борьбе за марксистскую идеологию», объявлены предупреждения в том же порядке (профессора Д. Н. Насонов, И. И. Соколов, Б. Н. Шванц, доценты М. Ф. Иванов, К. М. Завадский и др.) [2].

По рекомендации комиссии парткома ректором Н. А. Домниним был утвержден новый состав редколлегии журнала (Вестник ЛГУ) по биологическим наукам, намечен новый состав ученого совета биологического факультета.

Во всех факультетах проведены поиски идеалистов и метафизиков. Словом, «охота на ведьм» прошла по всему университету.

Целью массовой обработки умов были организованы семинары по мичуринской биологии для преподавателей и студентов факультетов.

На кафедре генетики и селекции студенты «лобашевцы» после короткого периода уныния и адаптации к новым временам сража-

лись в жарких спорах с генетиками растений мичуринского толка. «Лобашевцы» не потеряли связи со своим учителем и часто навещали его, безработного, дома. «Перевоспитывали», как он грустно усмехался. Но с кафедры уходить запретил, сказал «ЖДАТЬ!!!». Только В. Савватееву предложил переквалифицироваться в физиолога.

Время шло. Новые преподаватели учили студентов мичуринской биологии. Что-то старое забывалось, вытравлялось из памяти. А студенты, пришедшие вновь, слышали о генетике только бранные слова. Это было основное зло лысенковщины — прервалась связь времен, страна перестала получать новые кадры генетиков, а старые специалисты вынуждены были искать себе другие «экологические ниши».

Но первые «шоковые» годы проходили. И здесь нельзя не сказать добрые слова о В. С. Федорове, который стал подпольно (в курсе спецглавы) учить студентов классической генетике, а с 1955 г. начал знакомить их с работами на дрозофиле.

Кафедра генетики и селекции стояла на пороге перемен.

THE DEFEAT OF GENETICS IN LENINGRAD UNIVERSITY („VASKNII.” session in august of 1948)

K. V. Vatti

Summary

The documents from the Archive of Leningrad CPSU Committee about discharging geneticists from the biological faculty of Leningrad University in 1948 and party penalties imposed on them are reviewed in the article.

Указатель литературы

1. Архив Ленинградского обкома КПСС за 1948 г. Ф. 984. Оп. 3. Св. 98. Д. 3.
2. Там же. Ф. 984. Оп. 3. Св. 99. Д. 7.
3. Там же. Ф. 984. Оп. 3. Св. 101. Д. 21.
4. Там же. Ф. 984. Оп. 3. Св. 102. Д. 22.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ГЕНЕТИКИ В ЛЕНИНГРАДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1957—1970)

К. В. ВАТТИ, В. В. ПОНОМАРЕНКО, М. М. ТИХОМИРОВА

В 1948 г. в Ленинградском университете две кафедры генетики (растений и животных) были объединены.

После ухода с поста заведующего кафедрой Н. В. Турбина эту должность с 1954 по 1957 г. исполнял М. С. Навашин. Крупный ученый, классический цитогенетик академического склада, он не представлял специфики деятельности вузовского работника, не смог наладить творческий контакт с коллективом, не прочел ни одной лекции.

Перед факультетом и кафедрой встала проблема поиска другого руководителя. И факультет, и кафедра называли имя М. Е. Лобашева. В 1956 г. он, заведующий лабораторией низших животных Института физиологии и патологии высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова АМН СССР, профессор по специальности физиология, получил приглашение участвовать в конкурсе на заведование кафедрой генетики и селекции ЛГУ. Он подал заявление, этот важнейший шаг был продиктован его горячим желанием вернуться в родной университет.